

Время правления императрицы Елизаветы Петровны (1741—1761 гг.) не принадлежит к периодам русской истории, хорошо изученным в отечественной и зарубежной историографии. Царствование Елизаветы, как и ее предшественников на троне — Екатерины I, Петра II, Анны Ивановны, остается как бы в тени грандиозной эпохи реформ первой четверти XVIII в. Именно этим следует, вероятно, объяснять малочисленность научной литературы по истории России сразу после смерти Петра I и до царствования Екатерины II.

В работах исследователей XIX в. основное внимание уделялось, во-первых, накоплению фактов, относящихся к правлению Елизаветы, и, во-вторых, попытке рассмотреть этот период в общем контексте так называемой эпохи дворцовых переворотов (1725—1762 гг.), ознаменовавшейся нестабильностью политической жизни страны. Естественный для исторической науки процесс накопления фактов о рассматриваемом времени в первой половине XIX в. искусственно сдерживался самодержавием, хранившим документы «скандального» XVIII в. под семью замками. Именно поэтому книги и статьи А. Вейдемейера, Н. А. Полевого, И. Шишкина, С. В. Ешевского, П. К. Щебальского и др.<sup>1</sup> строились на бедном материале редких документальных публикаций. Лишь некоторым из историков (М. И. Семевскому, К. И. Арсеньеву<sup>2</sup>) удалось ввести в оборот новые источники.

В оценочном плане историческая наука XIX в. постепенно отказывалась от объяснения частой смены власти «разгулом страстей», пороками тех или иных правителей и фаворитов и пришла к пониманию послепетровского периода как вполне закономерного продолжения петровской эпохи реформ. Исчезло и пренебрежительное отношение к правлению Елизаветы и ее личности, характерное для времен Н. М. Карамзина. Наоборот, царствование дочери Петра Великого стало идеализироваться и рассматриваться как период возрождения забытого петровского наследия. Подобная трактовка сложилась в историографии в значительной степени в результате не критического восприятия официальных документов елизаветинской поры, преследовавших цель упрочения Елизаветы на престоле и проводивших доктрину о преемственности дочерью «начал» великого отца.

В рамках концепции «возвращения к правилам Петра Великого» написаны и посвященные времени Елизаветы четыре тома «Истории России с древнейших времен» выдающегося русского историка С. М. Соловьева<sup>3</sup>. Его гигантский труд до сих пор

остаётся уникальным по количеству собранного в нём архивного материала. Однако в этом потоке фактов историк не сумел выделить главные моменты, определяющие характер развития страны и политики её правительства. С. М. Соловьев отступил от присущего первым томам его «Истории» критического отношения к своим источникам и ограничился апологетической оценкой личности Елизаветы Петровны и дел её правительства. Кроме того, проявляя исключительный интерес к политической истории, он подробно не рассматривал экономическую, социальную, культурную и бытовую жизнь людей того времени.

Следующий шаг в осмыслении времени Елизаветы и вообще «эпохи дворцовых переворотов» был сделан в лекциях В. О. Ключевского, впервые употребившего этот термин, а также в статьях, книгах, лекциях С. Ф. Платонова, Н. Н. Фирсова, М. М. Богословского и др.<sup>4</sup> Много свежих и интересных идей, не устаревших и поныне, высказал В. А. Мякотин. Считая дворцовые перевороты верхушечными, касавшимися только «политического быта» дворянства, он особо подчеркивал, что значительное упрочение экономических и политических позиций дворянства в послепетровскую эпоху произошло на базе резкого усиления режима крепостного права<sup>5</sup>.

Советская историческая наука, опираясь на фундамент позитивных знаний предшествующей историографии и принципиально новую, марксистско-ленинскую методологию в их оценке, продолжила изучение послепетровского времени. Основное внимание в литературе 50-х — первой половины 60-х годов было уделено аспекту, остававшемуся в забвении в дореволюционной историографии, — социально-экономической жизни страны. Работы на эту тему обогатили наши представления о путях развития промышленности, торговли, сельского хозяйства, экономической политики в период правления Елизаветы; позволили выявить динамику развития крепостного права, проявления классовой борьбы, особенности социальной структуры общества первой половины XVIII в.<sup>6</sup> В ряде обобщающих трудов, опубликованных в 50—60-е годы, содержатся принципиальные оценки всей «эпохи дворцовых переворотов», в том числе и времени Елизаветы<sup>7</sup>. В них констатируется, в частности, что политические перевороты послепетровского периода по своему характеру не выходили за рамки внутриклассовой борьбы значительно усилившегося дворянства; что ведущей тенденцией во всех сферах жизни страны являлось упрочение крепостничества; что ни в экономическом, ни в культурном смысле послепетровская эпоха не только не была временем упадка или застоя, но, наоборот, динамика экономического развития получила в рассматриваемое время дальнейшее ускорение, что свидетельствовало о ещё не исчерпанных до конца ресурсах феодального способа производства.

Но все же становится очевидным, что, чем лучше мы понимаем определяющие течения экономического и социального раз-

вития, тем больше проявляем мы интерес к политической истории, ибо можем оценивать ее глубже, чем наши предшественники. Однако работ по этой теме, освещающих события 40-х — начала 60-х годов XVIII в., в сущности нет. До сих пор остается актуальным высказанное 20 лет назад пожелание С. М. Троицкого о необходимости «уделить особое внимание исследованию конкретных проявлений противоречий внутри господствующего класса феодалов и тех форм, которые принимала борьба между отдельными прослойками феодалов в тот или иной период»<sup>8</sup>.

Автор данной книги не ставит этой задачи в полном объеме. Его цель более скромна — взглянуть на период правления Елизаветы с точки зрения накопленных современной наукой знаний, с учетом бесценного труда поколений историков, возводивших общее для нас здание исторической науки, и рассказать о нем в доступной для широкого круга читателей форме.

Кто хотя бы раз соприкоснулся с документами послепетровского времени, тот уже не останется равнодушным к тому, что произошло вслед за поражающей воображение эпохой петровских реформ. Послепетровский период, и в частности елизаветинский, не был «безвременьем», калейдоскопом событий придворной жизни. Он — одно из звеньев той непрерывной цепи событий, фактов, явлений, которая связывает нас с нашим прошлым. Именно в эти годы петровские преобразования показали свою жизнеспособность, прошли испытание временем, а Россия прочно утвердилась как одна из ведущих мировых держав.

За прошедшие после памятного 1725 г. два-три десятилетия «птенцы гнезда Петрова» либо уже сошли в могилу, либо доживали свои дни в удаленных от столицы поместьях. Одним словом, произошла смена поколений — неизбежный процесс обновления. Новые люди — младшие братья, сыновья и внуки победителей Полтавы и Гангута — были уже воспитаны иначе, по-иному смотрели на мир. В одно и то же время жили и работали те, без кого трудно представить историю и культуру России: Михаил Ломоносов, Александр Сумароков, Федор Волков, Варфоломей Растрелли, Федот Шубин, Антон Лосенко. Где-то рядом на полях сражений Семилетней войны могли оказаться поручик Григорий Орлов, подполковник Александр Суворов, донской казак Емельян Пугачев и десятки, сотни людей, с которыми был связан, как мы теперь знаем, следующий период русской истории — второй половины XVIII в. Судьбы этих и многих других людей тесно переплетались как нити в основе старинного гобелена. По-дойдем к этому гобелену истории поближе...

Автор искренне признателен всем, кто помог ему в работе над рукописью книги. Особую благодарность автор выражает сотрудникам Русского музея М. А. Алексеевой, Б. А. Косолапову и сотрудникам Государственного Эрмитажа Г. В. Вилинбахову и Г. А. Миролюбовой, без любезного содействия которых книга не имела бы интересных иллюстраций.